

Лорд Джон Старк

Пальцы Джона Старка сжались вокруг перил. Он вдохнул соленый запах морского воздуха, почувствовал, как ветер треплет его волосы. Корабль под ним покачивался на волнах. Впереди из тумана показался призрачный вид замка, стоявшего высоко на утесах острова. Он был высок и внушителен, его башни имели форму рычащих драконов. Что-то внутри него затрепетало от этого зрелища.

Остров казался мрачным и неприступным, и чем больше он смотрел на него, тем больше ему становилось страшно. Но он принадлежал ему. Ему, который никогда не должен был стать лордом, владеть какими-либо землями или владеть замком. Он был его, и ему бы понравилось, если бы это была хижина на каменной плите на Железных Островах. Возможно, он не всегда так чувствовал себя, нет. Он все еще помнил гнев, который охватил его, когда он понял, что ему дали имя, которое он всегда хотел, но только при условии, что он покинет Винтерфелл и поселится в другом месте. Он проклинал своего лорда-отца, короля, самих богов, за то, что он дал ему вкус того, что он хотел, но не всего. Однако, когда луны прошли, он почувствовал, как ярость ускользает.

Он был Старком. Именно этого он всегда хотел больше всего на свете, больше всего на свете, больше чем Винтерфелла. У него было два года, чтобы привыкнуть к тому, что ему придется уехать, два года, чтобы устать от жесткого, пронизательного взгляда леди Кейтилин и резких замечаний о том, чем его должно было принадлежать малышу Брану. И теперь, он был здесь... Он будет скучать по Винтерфеллу. Но здесь не было никакой леди Кейтилин. Тут не было ни отца, ни Робба, ни Арьи, но дядя Бенджен ждал его там с тетей Дейси, а дядя Эртур стоял прямо за ним, следя, чтобы он не потерял равновесие на палубе корабля. Когда-то, в течение нескольких лун между осознанием того, что он незаконнорожденный, и осознанием того, что он получил этот дар, он думал, что единственным местом для него может быть Ночной Дозор, но теперь было что-то еще, место, чтобы сделать себе имя. Будущее. Это было больше, чем он заслуживал, и он был благодарен, особенно после всех рассказов дяди Эртура. Он не мог дождаться, чтобы увидеть Каменный Барабан и карту Вестероса, не мог дождаться, чтобы увидеть те статуи вблизи и отправиться на охоту за драконьими яйцами и ярко раскрашенным драконьим стеклом в проходах под замком. Это было такое грандиозное, важное, историческое место, и мысль о том, что все это теперь принадлежит ему, вызывала головокружение.

Рука дяди Эртура сомкнулась на его плече, когда они причалили к берегу, и Джон впервые ступил на остров. Он вдохнул соль и серу в воздухе и почувствовал себя почему-то свободнее, чем когда-либо. Винтерфелл был домом, безопасным домом. Это было место, где жила его семья, где он вырос, единственное место, которое он знал. Но по мере того, как его сны о склепах становились все более и более частыми, а взгляд леди Кейтилин - все более острым, он все меньше и меньше ощущал свое место в этом мире, все сильнее ощущал непреодолимое желание исчезнуть в этих стенах. Здесь... Все было странно и непривычно, но ему казалось, что сам остров тянется к нему, чтобы обнять. Это был не его дом, пока еще нет. Но он принадлежал ему. Он не знал, как и почему, но в глубине души знал. Именно здесь, по какой-то причине, он и должен был находиться. Он оглянулся через плечо на дядю Эртура.

Дядя слегка улыбнулся ему и сжал его плечо. "Добро пожаловать домой", - сказал он.

Джон с трудом перевел дыхание, но тут же взял себя в руки. "Спасибо, дядя", - сказал он, чувствуя, как его губы растягиваются в улыбке. Он огляделся по сторонам. Он хотел осмотреть город, гавань, замок. Ему хотелось сесть на лошадь и скакать по каменистым пляжам и утесам, хотелось идти, идти и идти, пока он не узнает каждый дюйм острова лучше, чем когда-либо

знал Винтерфелл. Здесь не будет ни склепов, ни Королей Зимы, ни разгневанных предков, говорящих ему, что он нежеланный гость и ему здесь не место. Может быть, сегодня ночью он будет спать спокойно, впервые за много лет. Какая-то часть его хотела опуститься на колени и обнять саму землю при одной мысли об этом, и от этого ощущения у него чуть не навернулись слезы. Но он сдержался. Он не был младенцем, чтобы рыдать над шансом стать самим собой.

Рука дяди Эртура сжалась еще сильнее, и Джон, сам не зная почему, повернулся и бросился в объятия дяди, крепко сжав его, пока тот дрожал от всей этой силы. Эртур поймал его и прижал к себе, поглаживая по спине и шепча ему слова, которых Джон не понимал и не узнавал. Они звучали как высокие валирийский, но Мейстер Лювин едва успел приступить урокам о нем перед отъездом, и Джон не мог уловить смысла, поэтому он просто цеплялся за них и крепко зажмурился глазами, чтобы не расплакаться от всей этой силы.

Вместе с дядей Бендженом и тетей Дейси он посадил в углу заросшего сада саженец чардрева и несколько железных деревьев, часовых и дубов. Он совсем не походил на Богорощу в Винтерфелле, но ведь Богороще в Винтерфелле было почти десять тысяч лет, а этот был посажен недавно. Может быть, когда-нибудь Старые Боги заставят его чувствовать себя здесь умиротворенным и защищенным, как на Севере.

Он работал над сложением, письмами и языками с незнакомым старым мейстером, который всегда выглядел грустным и любил трепать Джона за волосы и рассказывать ему истории о Станнисе Баратеоне. Он тренировался на мече и ездил верхом вместе с дядей Эртуром. Он слушал прошения местных жителей, сидя рядом с дядей Бендженом и дядей Эртуром, стоящим за его спиной. Когда септа, которая, по-видимому, жила там с незапамятных времен, предложила научить его музыке, дядя Эртур предложил ему научиться играть на высокой арфе. Джон не понял, почему, и быстро сдался. У него не было склонности к музыке, он едва мог определить, когда мелодия была не той, а его северный язык не был приспособлен к цветистым словам южных баллад. Он не знал, почему это так огорчило дядю Эртура; они молча оставили все позади.

Мало-помалу жизнь Джона стала превращаться в рутину. Он больше не просыпался смущенный своей незнакомой комнатой или резким соленым воздухом. Он больше не останавливался и не оглядывался в поисках отца, когда кто-то обращался к нему как к Лорду Старку. Мало-помалу все становилось менее запутанным. Он не переставал скучать по Роббу, Арье и своему лорду-отцу, но боль притупилась, превратившись в ровную пульсацию, а не в жестокую боль, которая заставляла его плакать и засыпать так много раз в свои первые ночи в этом месте.

Он даже не подозревал, что дядя Эртур велел слугам принести старые картины и гобелены из одного из подвалов, пока не наткнулся на него и дядю Бенджена, спорящих об этом. Над расписным столом висел портрет странно знакомого молодого человека. Его светлые волосы и фиолетовые глаза выдавали в нем Таргариена, и Джон даже узнал легендарный меч Блэкфайр из своих уроков истории. " ...должен быть в состоянии понять, что выставление артефактов Таргариенов никому не понравится", - говорил дядя Бенджен, напряженно глядя на дядю Эртура сверху вниз. "Особенно учитывая тот факт, что никто не забыл твоих старых привязанностей, не говоря уже о Леди-Матери мальчика".

"Тут было слишком уныло", - возразил дядя Эртур. Джон хотел было предупредить их о своем присутствии, но в конце концов решил этого не делать. Он не слишком заботился о том, как будет украшен замок. Тот факт, что его дяди, по-видимому, это делали, был более чем немного озадачивающим. "Я понятия не имею, как Станнис Баратеон выдерживал это все эти годы, или как вы с Дейси выдерживали это последние два года".

"Так пусть будут сделаны новые украшения", - сказал дядя Бенджен, всплеснув руками. "Ты должен знать, как это будет выглядеть".

"Для знаменосцев это будет выглядеть так, как будто Джон ценит и уважает историю замка, независимо от нынешнего политического климата", - сказал дядя Эртур. "И я действительно заказал новые украшения", - добавил он, указывая на знамя, висевшее вдоль противоположной стены, "белый лютоволк на черном поле. Джон не был уверен, кто это придумал, но ему это понравилось с тех пор, как он впервые понял, что у него будет свой собственный герб. Все еще Старк, даже если он не был Старком из Винтерфелла. Он стал носить черное так часто, как только мог, с тех пор как отец впервые показал ему герб, и носил свои собственные цвета так гордо, как никогда не мог носить цвета Винтерфелла. "Ты можешь почтить великую историю, не предавая своих собственных подданных", - сказал дядя Эртур.

Дядя Бенджен фыркнул. "И что же это за преданность, Сир Эртур?"

Дядя Эртур скрестил руки на груди. Рядом с ним показалась рукоять Рассвета. "Дому Старков из Драконьего Камня. Как это было с тех пор, когда я впервые увидела Джона".

Джон ощутил прилив тепла и почувствовал, как на его лице появляется улыбка. Это была чистая правда. Его дядя всегда был добр к нему, даже если он был иногда суровым надсмотрщиком, даже если он, казалось, ожидал большего, большего ума, большего таланта в обращении с клинком, большего всего, чем кто-либо другой из тех, кого знал Джон. Он всегда был рядом, защищал его, учил, подталкивал, и Джон без сомнения знал, что вырасти бастардом было бы невыносимо, если бы рядом не было его дяди, который защитил бы его от того, чего не хватало даже его Лорду-отцу. "Мне нравится эта картина", - заявил он, подходя ближе. "И кто же это?"

Глаза дяди Бенджена расширились, когда он понял, что Джон здесь. Если Эртур и был удивлен, а Джон почему-то сомневался, что дядя не знал о его присутствии, то не подал виду, а просто одарил его своей обычной теплой улыбкой. Дядя Бенджен раздраженно взглянул на картину и собрался уходить, но лишь бросил шокированный взгляд на Джона, потом снова на картину, и лицо его слегка побледнело, прежде чем он вышел.

"Эйгон Завоеватель", - сказал дядя Эртур. "Первый король Вестероса".

Джон почувствовал, как улыбка тронула его губы, когда он снова посмотрел на картину. Вот почему он показался мне знакомым. Джон, должно быть, видел его в каком-то изображении во время одного из своих уроков. Эйгон Завоеватель был легендарным, сильным и храбрым, и чрезвычайно важным для истории всего континента. Независимо от того, как король Роберт относился к Таргариенам, никто не мог обвинить Джона в том, что он восхвалял того самого человека, который когда-то выковал его Железный Трон, не так ли? Затем, вспомнив слова дяди Бенджена, он почувствовал, как его лицо слегка вытянулось. "Неужели это правда?" спросил он. "То, что сказал дядя Бенджен? Ты все еще верен Таргариенам?"

Дядя Эртур присел перед ним на корточки, пока их глаза не оказались на одной высоте, протянул руку и крепко сжал плечи Джона. "Я верен тебе", - сказал он. "Мой Маленький Принц из Драконьего Камня".

Джон наморщил нос. "Я не маленький", - запротестовал он. "И я вовсе не принц. Просто лорд". Даже эти слова вызвали на его лице недоверчивую улыбку. Он прикусил губу. "Но ведь ты дружил с Рейгаром Таргариеном. Это что-то да значит".

"Так оно и есть", - признал Эртур.

"Итак, если бы ты знал, где находятся дети Таргариенов, разве ты не оставил бы меня, чтобы помочь им вернуть трон?" Спросил он.

Дядя Эртур крепко прижал Джона к груди, взъерошив ему волосы одной рукой. "Никогда", - сказал он. "С того самого момента, как я впервые увидел тебя, ты стал для меня самым важным человеком на свете. Я всегда хотел только того, что было лучше для тебя. Я никогда не предаю тебя. И я не оставлю тебя, даже когда состарюсь и поседею, а ты устанешь от моего общества".

При этих словах Джон вздохнул с облегчением, хотя и не понимал, зачем ему вообще понадобилось это утешение. Всю свою жизнь дядя Эртур был единственным человеком, на которого он всегда мог положиться. Это не изменится, даже если все остальное изменится. "Я этого не сделаю", - запротестовал он, обнимая дядю в ответ.

Дядя Эртур рассмеялся, легонько дернул себя за волосы и встал на ноги. "Тогда пошли", - сказал он. "Я полагаю, что нам давно пора дать тебе возможность начать работать с живой сталью".

<http://tl.rulate.ru/book/40965/894910>